
© Ч.А. ГОРБАЧЕВСКИЙ

chag@74.ru

УДК 821.111.1.09, 82.09(882)

**РУССКИЙ БОГАТЫРЬ, ДРЕВНЕРИМСКИЙ БОГ И ТЕМА ПАМЯТИ
В РАССКАЗЕ В.Т. ШАЛАМОВА «ГЕРКУЛЕС»**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется поэтика рассказа В. Т. Шаламова «Геркулес», затрагиваются такие элементы документально-художественного мира писателя, как символика, стилистика, прототипы персонажей и связь рассказа с фольклорной традицией.

SUMMARY. The article is devoted to the poetics of V. T. Shalamov's short story "Hercules". The analysis includes such aspects of artistic story-world as symbolism, stylistics, prototypes of personages and elements of folklore ties with the Old Russian epos.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Сюжет, композиция, психологический портрет, анти-герой.

KEY WORDS. Plot, composition, psychological portrait, anti-hero.

*«Генерал с подполковником вместе,
Словно куры, сидят на насесте» [1; 142].*

Рассказ В.Т. Шаламова «Геркулес» написан в 1956 (?) году и впервые опубликован только через тридцать лет после его создания (1987).

Заглавие текста по своей сути резко контрастирует с образом того персонажа, с которым напрямую соотносится в сюжете рассказа, т.е. с образом начальника санотдела одного из многих колымских лагпунктов 1930-40-е гг. Черпакова.

Черпаков, приехавший «на персональной «Победе» из областного города за шестьсот верст на серебряную свадьбу друга» [2; 128], — главное действующее лицо «Геркулеса» и вместе с тем признанный всеми остальными персонажами (за исключением самого автора-повествователя) герой рассказа. Причин всеобщего признания несколько, но главная — Черпаков большой начальник. Все его поведение выдает самоуверенного, развращенного властью на каторжной Колыме человека, вполне понимающего свое привилегированное положение не только в служебном кабинете, но и на таком, казалось бы, далеком от профессиональной деятельности мероприятии, как серебряная свадьба друга. Поэтому сидит он, как и положено высокому гостю, «на почетном месте во главе стола по правую руку хозяина» [2; 128]. И друг у Черпакова не простой смертный — он тоже начальник, начальник одной из колымских больниц для заключенных. Красноречива фамилия друга — Сударин.

Весьма выразителен и ярок портрет заезжего гостя, представленного во всей красе со множеством дополняющих его образ характерных описательных черт: «Почетный гость был заметно моложе окружающих его лысых и седых невропатологов, хирургов, терапевтов и фтизиатров. Ему было лет сорок. Нездоровое,

желтое, вздутое лицо, небольшие серые глазки, щегольской китель с серебряными погонами полковника медицинской службы. Китель был явно тесен полковнику, и было видно, что он был сшит еще тогда, когда брюшко еще не обозначалось отчетливо и шея еще не наваливалась на стоячий воротник. Лицо почетного гостя хранило скучающее выражение, но от каждой выпитой стопки спирта <...> оно становилось все оживленней, и гость все чаще поглядывал на окружавших его медицинских дам и все чаще вмешивался в разговоры, неизменно стихавшие при звуках надтреснутого тенора» [2; 128]. В этом портрете и в других схожих описаниях и характеристиках Черпакова отчетливо прослеживается ряд авторских ремарок наряду с важными психологическими и событийными деталями, характеризующими авторское отношение к описываемому «чину». Очевидно, что в композиции сюжета психологические детали выражают «собственную идеологическую позицию» [3; 32] автора, и это значимо по ряду причин. Во-первых, описания особенностей внешности и поведения Черпакова в определенном смысле «самодостаточны», т.е. недвусмысленно характеризуют сами себя: «нездоровое, желтое, вздутое лицо, небольшие серые глазки»; когда-то шея Черпакова «еще не наваливалась на стоячий воротник»; вначале (до выпитой рюмки) доминирует «скучающее выражение» лица Черпакова; «раздался вдруг хриплый тонкий голос»; Черпаков «прикатил» на машине; «перед мутными очами приезжего гостя»; «перст* почетного гостя указал на Андрея Ивановича (т. е. на гостя, подарившего юбиляру петуха. прим. авт.). — Да. Славный петушок. Твой, что ли?»; толкнул «врачиху», выбираясь из-за стола; Черпаков демонстрирует «гармоничность своего физического развития»; «своей могучей дланью привлекал к себе молоденьких, розовых от счастья врачей» [2; 128-129] и т.д. Очевидно, что собственное хамство, которое Черпаков и не думает замечать, поскольку привык к такому поведению на службе, весьма естественно сочетается с самодовольным взглядом на все происходящее.

Высокая лексика (архаизмы *очи*, *перст*, *длань*) в тексте, используемая вместе с лексикой сниженной либо со словами, имеющими явно негативную окраску, создают ожидаемый противоположный эффект — общую стилистическую сниженность текста, его пародийную модальность.

Очевиден контраст между закрепившимися в сознании культурного человека представлениями о Геркулесе — персонаже античных мифов* и геркулесе рассказа — в сущности, «антигерое» дикой и бесчеловечной современной автору-повествователю действительности.

Весьма показательна то, что в рассказе фамилия начальника санотдела упоминается всего один раз, а его имя остается вовсе неизвестным. В речи многочисленных персонажей, присутствующих на свадьбе, Черпаков именуется уважительно — «почетный гость» (это словосочетание встречается двенадцать раз и два раза — «приезжий гость»). Такой способ «репрезентации» главного действующего лица свидетельствует о непреодолимой социальной и человеческой дистанции между Черпаковым и всем остальным мелким людом на свадьбе — разумеется, чета юбиляров не в счет.

* Особой символической ролью «перста» отмечен ряд других рассказов Шаламова: «На представку», «Первый зуб», «Иван Федорович»].

** Мифологический бог и герой Геркулес наделен превосходными эпитетами и определениями, в зависимости от того, кто возносил ему хвалу: он считался непобедимым, был богом победы, прообразом идеального царя, антиподом тирана, мудрецом, побеждавшим чудовищ силой разума и знаний, считался посредником между богами и людьми [4; 150].

Отношение автора-повествователя к публике, пытающейся всячески угодить начальнику санотдела, ярко выражено в следующих словосочетаниях и предложениях: «защебетала седая юбилярша»; «лепетали врачи»; «врачи щупали могучие бицепсы почетного гостя с явным восхищением»; «дамы, выхватив душистые платочки, бросились наперерыв вытирать брюки почетного гостя» [2; 128-129].

Одержав победу над седыми и лысыми невропатологами, терапевтами и главным хирургом в импровизированном армрестлинге, Черпаков предлагает публике новый номер — отрывание живому петуху головы. После того, как голова несчастного петуха отлетела в сторону, юбиляр Сударин восхищается невероятной физической мощью своего компаньона, привыкшего разговаривать и поступать с бесправными заключенными примерно так же решительно: «<...> Но сила, сила. Вот это по-русски. Крак — и готово» [2; 130]. Здесь Сударин цитирует Черпакова, который перед тем как оторвать петуху голову, рассказывает о своей невероятной силе недавнему обладателю петуха, т.е. Андрею Ивановичу: «— Я барану, барану, понимаете, голову назад заворачиваю. Крак — и готово <...>. А у этого твоего... подарка — у живого голову оторву, — сказал он, любуясь произведенным впечатлением. — Где петух?» [2; 129]. Слова геркулеса импонируют публике и принимаются ею с праздничным и подобострастным восторгом.

Напомним, что в самом начале рассказа петух-подарок был принят невероятно восторженно всеми — и четой юбиляров, и всеми гостями:

«— Ах, Андрей Иванович, как кстати, — щебетала седая юбилярша, поглаживая петуха.

— Чудесный подарок, — лепетали врачи. — И красивый какой. Это ведь ваш любимец, Андрей Иванович? Да?» [2; 128]*. Проницательные дамы подметили, что подаренный юбиляру петух — лучший из тех, что были у Андрея Ивановича. На этом фоне финал рассказа гораздо менее торжественен: упомянутый Андрей Иванович ногой затолкал петуха-любимца с уже оторванной головой поглубже под стол, с глаз долой. Демонстрация силы геркулеса была завершена, а праздник должен был продолжиться.

Вариации безудержной удали и силы Черпакова — это своеобразные кульминационные моменты рассказа: «как русский, да еще и северянин, почетный гость не употреблял других горячительных (напитков, кроме спирта. — прим. авт.)» [2; 128]; «Когда душа-мера достигла надлежащего градуса <...>, перешел к национальному русскому номеру» [2; 128-129] (геркулес предлагает посоревноваться с собой заведомо более слабым соперникам. — прим. авт.); «Почетный гость искал новых испытаний для своей русской мощи» [2; 129]. Особая удаля и могучие силы пробуждаются в скушающем герое после принятого на грудь изрядного количества спирта. Любопытно, что в рассказе «Потомок декабриста» «по-русски» из здания будущей больницы уезжает Колымполк, который перед отъездом едва ли не до основания разрушил здание [2; 261], дабы не оставлять его приезжающим. Впрочем, в другом рассказе («Алмазная карта») уезжают с насиженных мест уже бельгийские рабочие, которые до этого с большим трудом

* О документальной событийной канве рассказа косвенно свидетельствует фрагмент письма В.Т. Шаламова Б.Л. Пастернаку от 8 января 1956 г., в котором бывший каторжанин вспоминает колымские лагерные будни: «Пьяный начальник на именинах хвалится силой — отрывает голову у живого петуха (там на Колыме. — прим. авт.) все начальство держит по 50-100 кур, яйца 120 руб. десяток — подпорье солидное). Состояние истощения, когда несколько раз за день человек возвращается в жизнь и уходит в смерть» [5; 428].

наладили работу в северном краю по добыче полезных ископаемых. Перед отъездом они взорвали завод и домны, а узкоколейку полностью, до последнего стыка рельс, разобрали [2; 227]. По-видимому, Колыма довольно успешно могла унифицировать национальные особенности прибывавших туда работников.

Черпаков — геркулес и сравниться с ним может лишь богатырь сказочный, Илья Муромец, к примеру, о котором сложено народом столько легендарных сказаний и былин:

«А старый казак ведь Илья Муромец
Со своим-то как посохом принаскочил,
Ударил как поганого Удолища,
А тут Удолище да нуньку хамкать стал.

<...>

Старый казак ведь Илья Муромец,
Хватит как ен поганого Удолища,
Ай, сильного, могучего богатыря,
Хватил как его да за ноги,
А тропнул как его да о кирпичный пол.
От того ли от удару богатырского
Терема как тут да зашатался,
Хрустальные околицы посыпались.
Тут богатырю слава поют» [6; 87-88].

События приведенного отрывка из популярного некогда эпического текста вполне укладываются в рамки триединой событийной канвы рассказа В.Т. Шаламова: появление богатыря, победа над врагом, прославление победившего героя-богатыря. Только вот отношение повествователей к своим героям в обоих текстах различно: в героическом эпосе представлен действительный герой (пусть идеальный, гиперболизированный и даже вымышленный), в «Геркулесе» — антигерой, пародия на героя и на русскую мощь — колымский разжиревший начальник.

Абсолютный контраст состоит не только в том, что Черпаков и Геркулес мифологический — образы, так же далеко отстоящие друг от друга, как Черпаков от остальных («непечетных») гостей на свадьбе*. Во всем цикле «Колымских рассказов» противопоставлены образы сытого и самодовольного лагерного начальства и бесправных, больных, умирающих от холода, голода и побоев заключенных. «Геркулес» — один из двух рассказов (второй — «Стланик») из тридцати трех в прозаическом цикле В.Т. Шаламова «Колымские рассказы», в котором нет упоминаний об арестантах, но, вне всяких сомнений, незримо в рассказе они присутствуют. Всем происходящим на серебряной свадьбе праздничным событиям колымские доходяги-заключенные явлены как контраст, призванный с наибольшей рельефностью очертить противоречия северных диких нравов.

Отметим, что в цветовой гамме «Геркулеса» доминирует красный цвет и его вариации, что формирует и усиливает семантическое поле с «оксюморонным» значением «праздничной жестокости»; кроме того, общий подобоострастно-хамский тон торжества сопровождается звуковая какофония, дополняющая этот веселый праздник: «серебряная свадьба»; «под звон стаканов и нестройный гул пьяных голосов пирующих»; «красноперый петух»; «раскрасневшиеся лица

* Хотя в последнем случае все, в общем-то, на одно лицо, отличие лишь в социальной иерархии лагерных чинов.

шумливых пьяных гостей»; «защебетала седая юбилярша»; «лепетали врачихи»; «красивый какой» (о петухе); «хриплый тонкий голос» и «мутные очи» (начальника); «желтое, вздутое лицо, небольшие серые глазки» (его же); «китель с серебряными погонами полковника медицинской службы»; «звуки надтреснутого тенора» (начальника) [2; 127-128]; «розовые от счастья врачихи»; «седые и лысые невропатологи»; «проступил румянец»; «петушья кровь» [2; 129].

Контрастируют в рассказе друг с другом и более тонкие материи — запахи: душистые платочки дам, бросившихся наперебой вытирать брюки почетного гостя, одеколон — с одной стороны, и нашатырный спирт — с другой. Но все это: и душистые платочки, и одеколон, и нашатырный спирт, нацелено на одно — сделать приятное «почетному гостю».

В предшествующем «Геркулесу» рассказе «Домино» одно из главных действующих лиц — это недоверчивый, бдительный и гневный начальник санотдела — тот самый майор Черпаков, который в «Геркулесе» появится уже в звании полковника. В «Домино» майор препятствует лечению тяжелой степени туберкулеза у молодого врача из заключенных Андрея Михайловича, спасшего героя-повествователя от верной гибели («Андрей Михайлович и есть тот человек, которому я обязан жизнью. Сам он давно умер — туберкулез и майор Черпаков сделали свое дело» [2; 127])^{*}.

Очередное звание полковником Черпаковым, по-видимому, было получено за безупречную службу в должности начальника санотдела, а также за совершение совсем даже не геройских, но нужных более высокому начальству и государству поступков на ответственном служебном посту.

Так в рассказе «Геркулес», благодаря авторской интенции, создается карикатурный и вместе с тем зловещий образ колымского начальства, далекого от забот остального бесправного «запроволочного» колымского населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: в 6 т. / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 6. 384 с.
2. Шаламов В.Т. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. Т. 1. 127-130 с.
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
4. Штаерман Е.М. Геркулес. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 150.
5. Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. / Сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит., 1998. Т. 4. 494 с.
6. Былины / Вступит. ст., подг. текста и примечания Б.Н. Путилова. Л.: Советский писатель, 1957. 487 с.
7. Лесняк Б.Н. Я к вам пришел! Магадан: МАОБТИ, 1998. 296 с.

^{*} О действительном враче Андрее Максимовиче Пантюхове, прообразе Андрея Михайловича, В.Т. Шаламов пишет в главке «Сусуман» своих «Воспоминаний (о Колыме)». Упоминание об Андрее Максимовиче можно найти у товарища В.Т. Шаламова по Колыме фельдшера Б.Н. Лесняка: «Зимой 1946 года Шаламов попал на этап в Индигирское управление, может быть, самое гиблое, суровое место этого края. По дороге на Индигирку этап заночевал в Сусумане, в пересыльной зоне комендантского лагеря. Заключенный врач Андрей Максимович Пантюхов, с которым мы вместе приехали с Верхнего Ат-Уряха на Беличью, снял Шаламова с этапа, а вскоре отправил его на курсы фельдшеров, организованные при больнице СВИТЛ под Магаданом» [7; 233].